руги Мироновы, он не пошел, и все же когда Пугачев просит благословить его перед походом, у священника не поднимается рука, и Пугачев с досадой вырывает у него крест.

В спектакле есть и другие запоминающиеся роли: это и Савельич (**Виктор Чукин**), беспредельно, по-отечески преданный своему барину, но при этом способный выказать чувство собственного достоинства; это добрейший капитан Миронов (**Владимир Кустарников**) с его напускной суровостью, вся жизнь и вся служба которого в Белогорской крепости была подготовкой к подвигу мученичества; это супруга его Василиса Егоровна (**Елена Шубёнкина**), истинная хозяйка крепости, распорядитель и арбитр, преданная до смерти — в буквальном смысле — жена.

Инсценировку «Капитанской дочки» специально для этой постановки сделала Инна Гридина. Как объяснил Олег Липовецкий, нужно было наделить персонажей пьесы, которые у А.С. Пушкина говорят на языке образованного дворянина, яркими языковыми характеристиками. Главное, что пришлось преодолевать драматургу, — это собственный пиетет перед пушкинским словом. В целом задача была успешно решена, хотя чуткое ухо уловит несколько странных реплик, например, когда Маша говорит Гриневу: «Вы как утенок израненный». Отдельные сцены могут показаться слишком мелодраматичными, особенно по контрасту с брутальными эпизодами, которые разворачиваются в стане Пугачева. Но в целом получился важный и актуальный разговор о судьбе страны и ее народа, о роли личности в истории, о мотивах, которые движут человеком, о том, выбирает ли человек свою судьбу или подчиняет ее ходу истории.

Сергей ГОГИН
Фото Сергея ЮРЬЕВА

ЙОШКАР-ОЛА. Строки из эпитафии

Дом Прозоровых продуваем всеми ветрами, у него нет ни стен, ни крыши. Снег засыпает пол, мебель, выцветшие фотографии. Здесь давно никого нет, и только ветер иногда врывается обрывками воспоминаний о тех, кто здесь жил и мечтал о лучших днях. И тогда загорается свет, краски становятся ярче и лента памяти начинает раскручиваться в обратную сторону. С этой точки отсчета начинается спектакль «**Прозоровы. Эпитафия**» по пьесе **А.П. Чехова** «**Три сестры**», поставленный на сцене **Республиканского театра кукол** (**Йошкар-Ола**) петербургским режиссером **Александром Стависским** в соавторстве с художником **Татьяной Батраковой.**

Это уже их третья совместная работа, и в репертуаре театра кукол достойное место занимают «Бедный Акакий», созданный по мотивам повести Н.В. Гоголя «Шинель», «Жак и его слуга, или Как стать людоедом» по сказке Ш. Перро «Кот в сапогах». Музыку к чеховскому спектаклю написал композитор, лауреат национальной премии кинокритики и кинопрессы «Белый слон» **Анджей Петрас**, сделав ведущим в своей музыкальной партитуре чистый голос скрипки.

В камерном зале сценическое пространство максимально приближено к зрителю, позволяя не только разглядеть мельчайшие детали интерьера, костюмов, но практически кожей почувствовать, как здесь все заброшено. Увязли в паутине стрелки давно остановившихся часов. Пыль на одежде, куклах, даже на рамочке, которую Андрей смастерил ко дню рождения Ири-

«Прозоровы. Эпитафия». Маша — Н. Медведева, Ольга — Э. Лисицына, Ирина — А. Деркач, Андрей — Р. Дербенев

ны. И над всем этим — пустые птичьи гнезда, из которых давно упорхнула жизнь.

Сценография Татьяны Батраковой многомерна. Здесь тщательно обставленные миниатюрные комнаты кукольного дома и обычная гостиная Прозоровых с большим столом в центре. Когда начнется действие, белые чехлы с кресел и стульев будут сброшены, но к финалу они превратятся в саваны. Постановка многопредметна, но ощущения перенасыщенности не вызывает, потому что даже спустя многие годы в каждом из них продолжает жить память об этих людях.

В спектакле заняты пятеро актеров, которые исполняют роли членов семьи Прозоровых. Остальные персонажи куклы. Поначалу кажется, что три сестры и их брат просто показывают домашний спектакль, извлекая из своего прошлого светлые и печальные картинки. В их руках они сами — Ольга у **Эльвиры Лисицыной**, Маша у **Надежды Медведевой**, Ирина у **Анны Деркач**, Андрей у **Романа Дер-бенева**. Чеховская пьеса разыгрывается в соединении приемов драматической игры и кукловождения, и это сделано настолько цельно, что практически сразу исчезает грань между человеком и куклой.

Мечты уехать в Москву и начать новую жизнь, разговоры о том, что «через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной», витают в мертвом, засыпанном снегом доме. Словно бы не замечая запустения, Прозоровы ведут разговоры о прошлом, грезят о возможных переменах и упорно отказываются посмотреть в лицо настоящему. А ведь в нем с появлением Наташи наметились серьезные трещины.

Наташа **Марианны Сильвестровой** входит в этот дом тихой и смущенной, но

Андрей — Р. Дербенев

Ольга — Э. Лисицына

Ирина — А. Деркач

Наташа — М. Сильвестрова

довольно быстро осваивается и начинает врастать в него, постепенно заполняя собой все. Она ходит в бесформенном красном халате с рюшами и бантиками и к финалу становится необъятной. Ее безграничная алчность в сочетании с узким умом (как точно Андрей сравнивает ее с мелким, слепым, шершавым животным!) легко ломает уязвимых, не способных совершить настоящий поступок сестер. Они воспитаны так, что не могут противостоять грубости, и сразу падают духом, не в состоянии сказать Андрею правду в лицо, хотя, возможно, честный разговор помог бы ему прийти в себя. Об этом размышляют авторы спектакля, обостряя в чеховском тексте тему потерянного мира, неумения сохранить свою родовую память, а значит, человеческое достоинство.

Когда-то старший Прозоров дал своим детям блестящее образование, но не научил сопротивляться хамству, держать удар, защищать семейное гнездо. «Отец угнетал нас воспитанием!», — восклицает Андрей, женившийся на малограмотной, лишенной элементарного вкуса Наташе скорее из духа сопротивления, чем из любви. Но рядом с ней он дурнеет, стареет, становится жалким и ничтожным. Маша сравнивает его с колоколом, который поднимали «тысячи народа», потратив много труда, а он упал и разбился. Чтобы спасти свою душу, Андрею остается только одно — принять совет Чебутыкина: взять посох и отправиться в путь.

Все, что получили Прозоровы в детстве, оказалось хрупким и ненужным. Поэтому когда пришло время, пишет Чехов, «и надвигается на всех громада, готовится здоровая, сильная буря», жизнь раскрошилась на мельчайшие осколки, да так, что не собрать и не склеить. Потому и слова Маши: «Надо жить... Надо жить...» не что иное, как строки из эпитафии.

Елена ГЛЕБОВА

Фото предоставлены театром